

Восход

Издание Сибирского Рериховского Общества, № 4 (180), Апрель, 2009

Спящим стражам приносится меч огненный. «Меч мужества»
понадобился. Приходят сроки.

Н.К. Рерих

Н.К. РЕРИХ

ЗНАМЯ МИРА

Конференция в Бельгии

В конце Кали-Юги тяжкие и как бы непобедимые трудности отягощают человечество. Множество будто бы неразрешимых проблем подавляют жизнь и разделяют народы, государства, общезжития, семьи... Народ безнадежно старается разрешить их материалистическою находчивостью, но даже величайшие колоссы механической цивилизации оказываются потрясёнными. Каждый день приносит новые смятения, столкновения, недоразумения и лжетолкования. Жизнь наполняется множеством маленьких кривд. Всё вдохновляющее и зовущее ввысь становится в глазах невежд чем-то стыдным и недоступным. Так описывают Вишну-Пураны конец Кали-Юги.

Но те же Пураны возвещают также и благословенную Сатию-Югу. Какое же великое понятие, какая Благодать прежде всего будет в основе этого очищения и преображения жизни. Конечно, это будет та Благодать, которой объединяется всё вместилище, всё прекрасное, всё вдохновляющее и всё воздымающее. Поистине, это будет то великое понятие, которое человечество понимает под словом Культура. Именно к этому величайшему понятию направим все наши лучшие мысли и творчество. В этом осознании явим древнюю мудрость для доблестного будущего. Во славу этого сокровища осознаем и нашу взаимную высокую ответственность и не будем мешать друг другу нести торжественно эту скинию Света. Поймём ежедневную работу не как отвратительные кандалы, но как пранаяму, которая пробуждает и координирует наши высочайшие энергии. Не потеряем ни дня, ни ночи для посева благословенных семян утончения и возвышения духа и для несения культуры в широкие массы.

Для этого великого Служения был предложен наш мирный договор со Знаменем Мира для охранения всех культурных сокровищ человечества. Наш великий Рабиндранат Тагор, являющийся одним из наиболее просвещённых покровителей культуры, пишет нам следующее по поводу Пакта Мира:

«Я зорко следил за вашими замечательными достижениями в области искусства и за вашей великою гуманитарною работою во благо всех народов, для которых ваш Пакт Мира, с его знаменем для защиты всех культурных сокровищ, будет исключительно действенным символом. Я искренно радуюсь, что

этот Пакт принят Музейным Комитетом Лиги Наций, и я чувствую глубоко, что он будет иметь огромные последствия на культурную гармонию народов».

Мы не удивлялись, получая такое множество восторженных ответов по поводу нашего Знамени Мира. Прошлое наполнено ужасающими и непоправимыми разрушениями. Мы видим, что не только во время войны, но и при всех прочих заблуждениях сокровища человеческого гения беспощадно разрушались. В то же время избранные человечества понимают, что никакая эволюция невозможна без этих накоплений культуры. Мы понимаем, насколько несказуемо трудны пути культуры, но тем заботливее мы должны охранять доступы, к ней ведущие. Наша неотложная обязанность создавать для молодого поколения традиции культуры. Там, где культура, там и мир. Там и подвиг, там и правильное решение труднейших социальных проблем. Культура есть накопление высочайшей Благодати, высочайшей Красоты, высочайшего Знания. Человечество ни в какой мере не может гордиться, что оно сделало достаточно для расцвета культуры. После невежества мы достигаем цивилизации, затем мы получаем образование, затем следует интеллигентность, затем утончение, и после этого синтез открывает врата высокой культуры. Мы должны сознаться, что наши драгоценные исключительные сокровища искусства и науки даже не вполне каталогированы. Если Знамя Мира даст толчок хотя бы к этой манифестации, то уже одно это будет колоссальным достижением. Как много полезного и прекрасного может быть достигнуто простейшими средствами. Представим себе всемирный День культуры, когда одновременно во всех школах и просветительных учреждениях всего мира будет возвещено об истинных сокровищах нации и человечества. Среди многообразных выражений энтузиазма мы должны отметить глубокое движение женщин Америки. На последнем собрании, посвящённом Знамени Мира, представительница полумиллиона женщин В.Д. Спорборг поручилась за их поддержку Знамени Мира. Сейчас получено сочувствие трёх миллионов женщин. Велик список организаций, обществ, музеев, библиотек, школ, научных и государственных деятелей, которые выразили нам свою горячую надежду, что этот проект войдёт в жизнь. Несколько учреждений уже подняли наше

С.Н. Рерих. ПОРТРЕТ Н.К. РЕРИХА. 1936

Знамя над своими сокровищами. Музейный комитет Лиги Наций под председательством Ж. Дестрей, бельгийского министра, единогласно принял этот проект. А теперь, благодаря инициативе г-на К. Тюльпинка, под покровительством маркиза Аддачи, президента Постоянного Международного Суда в старом городе Брюгге, организована особая Конференция, для которой выработана широкая программа. В связи с этой конференцией заслуживает большого внимания предположенная Лига Городов, объединённых тем же Знаменем Мира. К. Тюльпинк и другие просвещённые деятели горячо объединились на этой идее. Письмо из Парижа сообщает, что наш друг поэт Марк Шено уполномочен представить древний город Руан. Только что получена важная брошюра д-ра Г.Г. Шклявера под заглавием «Пакт Рериха и Лига Наций», первоначально напечатанная в Обозрении Международного Права. Автор горячо рекомендует Пакт с точки зрения международного права. Истинно, охранение сокровищ культуры принадлежит тем всеобъединяющим основам, на которых мы можем дружественно объединиться без всяких жалких чувств зависти и злобы. Мы утомлены разрушениями и отрицаниями. Положительная созидательность есть основное качество духа человеческого. В жизни нашей всё, что может поднять и облагородить дух наш, должно иметь господствующее место. Вехи славного прошлого от раннего детства устремляют наш дух к прекрасному будущему. Поверьте, не трюизм говорить о неотложности стремлений к культуре. Если какой-то невежда найдёт, что эта идея не нужна и излишня, скажите ему: «Бедный невежда, оставайся вне эволюции, но помни, что нас целое воинство и мы никак не отступим от идеи Знамени Мира. Если ты создашь препятствия, мы обернём твои препятствия в возможности».

Вспомните, сколько полезнейших начинаний так легко может быть введено в жизнь. Возвращаясь к моей давнишней идее о мировом Дне культуры, когда одновременно под одним знаменем по всему миру раздастся светлое слово о сокровищах культуры народных, всемирных. Сенотафы напоминают нам лишь о прошлом, но всё соединённое с культурой, с бесчисленными славными мученическими и гигантскими подвигами направит наш ум к будущему. Только подумайте, с какими малыми средствами человечество, в единении, может создать традицию высокого значения для молодых поколений!

Поистине, я хотел бы приветствовать Конференцию в Брюгге как начало Лиги Культуры. Хотелось,

чтобы все сочлены и друзья *Конференции* радостно сошлись на этой всё вмещающей, всё обобщающей, всё облагораживающей мысли. В таком движении мы бы могли показать прекрасный пример всем тем, которые в невежестве разделяют, расчлениают и уничтожают. Без сомнения, внутреннее значение Конференции в Брюгге будет очень замечательным и откроет новые врата для всех будущих славных построений в области культуры. Конференция в Брюгге не окажется тем мотыльком, который обжигает крылья на первом пламени. Она образует тот светоносный легион, пламенные крылья которого будут расти в созвучии с подвигом великой красоты и славной необходимости.

В городском музее Падуи находится картина Гуаринто «Ангелы Мира». В торжественном кругу собрался совет ангельский. Каждый ангел держит сферу как всеобнимающий знак и ветвь мира, которая в руке ангела сурова, как меч непобедимый. Эта картина встаёт передо мною, когда я думаю о нашей Конференции. Ангелы благостны, но непреклонны. Так же благостными и непреклонными я представляю себе легионы Мира и Культуры.

Будем приветствовать всех тех, которые, преодолевая личные трудности, обходя жалкое себялюбие, устремляют дух свой к охранению культуры, которая превыше всего принесёт блестящее будущее.

Всеми средствами воздымайте прекрасную необходимость культуры. Если бы в нашем распоряжении были другие определительные величия, мы должны были бы употреблять их, говоря о самом значительном понятии мира.

Мы не должны бояться энтузиазма. Только невежды и духовно бессильные могут глумиться над этим великим и чистым чувством, но такие насмешки не что иное, как знак истинного почётно-го легиона. Было бы ужасно, если бы при великих выявлениях употреблялись как определительные слова «малое» и «ничтожное». Мы должны всячески оберегаться от самого постыдного действия — от умаления. Это значило бы разложение. Ничто не может мешать нам послужить сложению культуры, поскольку мы сами верим в это и поскольку даём этому наши лучшие пламенные мысли.

Не умаляйте! Великий Агни сжигает поникшие крылья. Только в созвучии с эволюцией мы можем восходить, и ничто не может погасить бескорыстные пламенные крылья энтузиазма.

Шантиникетан, 1931

Н.Д. СПИРИНА

О ЗНАМЕНИ МИРА

Есть вещи, без которых можно прожить, и есть вещи, без которых прожить нельзя. Сейчас без Знамени Мира прожить нельзя.

Поймём, что такое хлеб наш насущный, о котором мы молим Отца Небесного, — в духовном смысле. Если поймём, то поймём и значение для людей и планеты Знамени Мира.

Оно охраняет КУЛЬТУРУ, которая включает в себя всё, чем жив человек: искусство и науку, религию и красоту. И всё это в самом широком и высоком смысле слова. Кроме того, Знамя охраняет и человеческие взаимоотношения, призывая к миру на Земле и к благоволению между людьми. Разрушение этих взаимоотношений с Высшим и с ближними неминуемо приводит к катастрофе материального и духовного мира. Этот всеобъемлющий символ дан человечеству с высот Гималаев в суждённый срок, а «зовы сроков нужно ловить безотлагательно».

Так сказано в книге «Община» (64).

Август 1995 г.

СОБЕСЕДОВАНИЯ

**Ответы Н.Д. Спириной на вопросы присутствующих
на «круглых столах» Сибирского Рериховского Общества**

*Вступительное слово на «квадратном столе»
27 апреля 1997 г.*

Сегодня у нас двойная радость: во-первых, Великий Праздник — день Пасхи — и, во-вторых, мы с вами встретились. Каждая встреча с друзьями, сотрудниками — это великая духовная радость, радость единения, когда чувствуешь себя в своей сфере, когда интересы у нас общие и живём мы одним и тем же. Такая радость встретиться с представителями наших братских Обществ! Сейчас дело идёт к Общине, мы все едины. И это ощущение единства с этого года особенно чувствуется. Удаляется Сатурн — разделитель. Остаётся Уран — собиратель новой расы. И мы все, в той или иной мере, к этой новой расе прилежим. Поэтому все мы близкие родственники. Мы вас очень любим и очень рады приветствовать здесь.

*«В священный вечер Величайшего Праздника во
Имя Вселенского Символа — Говорю вам: Вы до-
пущены к работе постройки Нового Мира; вам Го-
ворю: укрепляйте глаза, чтобы не ослепнуть, когда
Приоткрою край завесы Грядущего» (Листы Сада
Мории. Зов. 31 марта 1923 г.). О каком празднике
идёт речь?*

Я думаю, что Величайший Праздник — это праздник Пасхи. И грядущее предуказано такое великое, такое ослепительное, если человечество будет его достойно и будет бороться за это будущее. «Укрепляйте

глаза, чтобы не ослепнуть, когда Приоткрою край завесы Грядущего», — я думаю, это было сказано в канун Пасхи.

*Что означает название картины Н.К. Рериха
«Мадонна Орифламма»?*

«Мадонна Орифламма» переводится как «Владычица Червонно-Пламенная». У Рериха это есть*. Она Мать всего Прекрасного, что создают Её дети, поэтому Она и охраняет, и даёт Знамя Мира.

*Как лучше использовать своё время для пользы
общему благу?*

Неустанное самосовершенствование очень способствует общему благу. Мы не можем сами по себе становиться лучше или хуже — мы всё время на кого-то влияем, и это нам понятно благодаря книгам Живой Этики.

Самое главное и необходимое сейчас — это изучать и нести Живую Этику в жизнь.

*Существует ли культура, которая не продвигает
человечество?*

Это уже не культура. Культура, или Культ-Ур, как говорит Рерих, есть Почитание Света. Это буквальный перевод слова *культура*. Если что-то некультурное называют культурой, то только в кавычках.

* См.: Рерих Н.К. Владычица Знамени Мира // Рерих Н. Цветы Мории. Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2008. С. 128.

На самом деле культура есть то, что помогает: подлинное, прекрасное искусство; наука, если она двигает открытиями, а сейчас наука открывает много тайн человеческой психики и уже подходит к тайнам тонкого тела и излучений человека. Словом, культура — это то, что двигает к Свету. А то, что не двигает, — не культура, как бы она ни называлась.

В Учении говорится о воспитании «крылатой подвижности». Расскажите немного об этом качестве. Как его воспитывать?

Это имеет отношение к мысли. Уже говорилось о том, что мысль нельзя сковывать, нельзя диктовать мыслить так или иначе, нельзя ограничивать мысль. «Крылатая подвижность» прежде всего должна явиться именно в мыслях, чтобы они не были прикованы к чему-то одному, чтобы не иметь предубеждений, узости мышления, а свободно и легко благодаря мысли продвигаться по пути жизни. Часто люди очень привыкают к своему быту, к своему дому, они обрастают массой привычек, которые не дают им свободно продвигаться. Люди всё время чего-то боятся, что-то их ограничивает. А «крылатая подвижность» свободна, ничего не опасается, она помогает перемещаться с места на место и мысленно, и физически. Такие люди любят путешествовать, любят менять место жительства, не боятся этого. И жизнь становится интересной и богатой.

Эта «крылатая подвижность» проявилась в том, как проходила выставка Н.К. Рериха на Севере. Казалось бы, что там люди имеют кроме буровых вышек и шахт? И вдруг — такое понимание Рериха как мыслителя. Разве это не «крылатая подвижность», которую эти простые люди так неожиданно и прекрасно выявили?

Может ли человек читать лекции на темы Учения, если сам ещё имеет недостатки?

Тогда никому из нас нельзя было бы ни одной лекции прочесть. Нельзя сказать про кого-то из нас, что он изжил абсолютно все недостатки, у нас у всех они есть. Недостатки — это вещь относительная, мы относительно хороши и относительно плохи. Мы изживаем одни недостатки, потом начинают выявляться другие, потом ещё какие-то. Но это не значит, что мы не должны говорить об Учении и делиться им. Одно другому не мешает, если при этом человек не будет провозглашать: «Я изжил, а это для вас». Мы так не делаем. Мы понимаем, что недостатки у всех нас есть, и продумываем и ищем способы, чтобы избавиться от них.

Можно ли сотрудничать с другими духовными направлениями и создать единый духовный центр, ведь цели и задачи одни?

Что такое сотрудничество?

Мы не отрицаем другие духовные центры, если это то же самое. Если же есть какие-то расхождения, которые мешают нам, тогда мы не сможем с ними сотрудничать. Например, некоторые духовные центры склонны к обрядам. В Учении Живой Этики, как вам известно, нигде не указаны никакие специальные обряды. В Учении сказано: «Через любовь придёшь ко Мне»; «Любите Меня — сила ваша растёт любовью»; «Только сердце, ничем, кроме любви, не покрытое», приведёт к Иерархии Света.

Если мы любим Учение и стараемся в своей малой мере воплощать его в жизнь, это может считаться самой лучшей молитвой. А если мы твердим молитвы, а живём совсем не так, тогда зачем они? Христос говорил: «Лицемеры первые пойдут на суд». Он прощал грешниц и блудниц, но фарисеев, которые произносили молитвы, он осуждал больше всего. Именно они послали Его на смерть.

О сотрудничестве: у меня есть стихотворение об Общине, и там как раз говорится, *что* такое сотрудничество. Мы вам ответим в стихотворной форме.

ТАК БУДЕТ

Мы прячемся от ветра и дождя,
Но от людей мы ничего не прячем,
Не замыкаемся. Как может быть иначе,
Когда везде свои, кругом друзья?!

И сердце наше больше не в броне —
Его не ранят и не потревожат.
Как жить легко, как это не похоже
На то, что было в мрачной старине.

И радость нашу друг не омрачит,
И в горе нас утешит и согреет,
И ношу непомерную разделит,
И завистью удачу не затмит.

Так будет в мире в светлый век Общины,
Когда не врозь мы будем, но едины!

Н.Д. Спирина
Из сборника «Перед Восходом»

Светлана ПОНОМАРЕНКО, г. Москва

Она трудилась для Общего Блага

Корр.: Как Вы познакомились с Наталией Дмитриевной Спириной?

С.П.: Очень хорошо помню этот момент. Это было в мае 1989 года. Я приехала в Новосибирск в командировку на «Метрострой» — как раз строилась первая линия — и попутно должна была выполнить поручение: передать живущему в Академгородке Евгению Палладиевичу Маточкину какую-то рукопись. Мы встретились с ним в Доме учёных, разговорились, и в конце разговора он доверительно сказал, что в десяти минутах ходьбы от места нашей беседы живёт большой Учитель. Он порекомендовал мне познакомиться с Наталией Дмитриевной Спириной, если, конечно, она захочет и сможет меня принять.

К тому времени я открыла для себя Н.К. Рериха. Раньше я знала его как художника, но вот в Ленинской библиотеке в первых изданиях Латвийского Рериховского Общества обнаружила его зажигательные очерки и с тех пор стала искать буквально всё, что было связано с именем Рериха. Однажды в той же библиотеке появилось объявление о начале цикла лекций, посвящённых семье Рерихов. Я, естественно, стала туда ходить.

Когда прямо из Дома учёных, набравшись духу, я позвонила Наталии Дмитриевне, попросив разрешения прийти, она просто сказала: «Хорошо». После встречи я спросила: «Как же так, Вы меня сразу приняли, а я слышала, Вы не очень-то легко идёте на контакт с незнакомыми людьми». Она ответила: «Мне понравился Ваш голос». Вот так это было.

Помню первое впечатление от встречи: удивительная интеллигентность, чувствовалось какое-то сокровенное знание, некая загадочность и одновременно открытость, простота. И потом, было такое ощущение, что мы знали друг друга раньше, несмотря на то что виделись впервые. А главное — Наталия Дмитриевна подарила мне свой сборничек стихов «Капли».

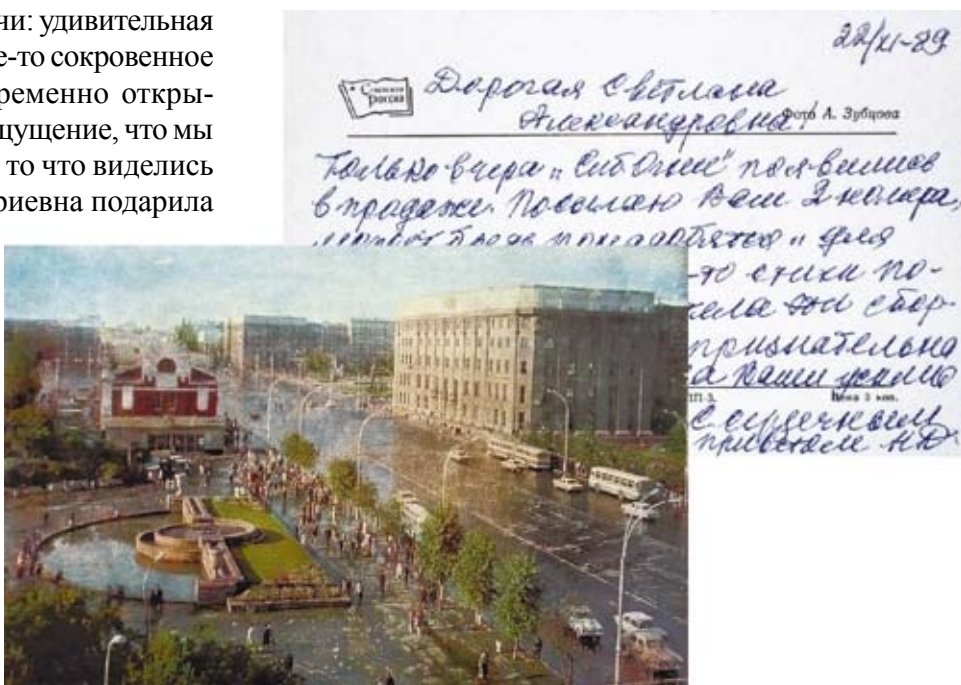
Он был без переплёта и ею самую перепечатан под копирку, — может быть, это был пятый экземпляр... Я взяла его с благоговением и читала в поезде «Новосибирск — Москва». К тому времени я уже успела немного познакомиться с Учением Живой Этики и дивилась, как точно, ясно и глубоко оно изложено и пропущено через себя в этих «Каплях». Когда вернулась домой, перепечатала сама этот сборничек, отдала в переплёт

и решила непременно знакомить с ним людей. Тогда я работала в журнале «Метрострой», а потом, когда начал создаваться Фонд Рерихов, перешла туда и работала в публикаторском отделе.

Первый, кому был подарен сборник, был писатель из Вильнюса Й. Мегелинскас. Так подборка стихотворений Наталии Дмитриевны оказалась напечатанной в «Литве литературной». Но самая первая публикация «Капель», точно помню, состоялась в журнале «Сибирские огни», в десятом номере за 1989 год. Наталия Дмитриевна держала меня в курсе дел; с тех пор как мы познакомились, мы переписывались и перезванивались, и она прислала мне этот журнал, а через год — вышедший в Новосибирске в конце 1990 года сборник «Капли». Я решила, насколько возможно, его популяризировать. Пошла на радио. В редакции Всесоюзного радио эти стихи приняли к эфиру в передаче «Поэтическая тетрадь». Через неделю мне позвонили и назвали дату передачи. Срочно дала телеграмму Наталии Дмитриевне, чтобы готовились слушать. Она имела обыкновение всё хранить, и, наверное, эта телеграмма у неё есть где-то в архиве. Весь Союз тогда слушал «Капли»! Читала их актриса Алина Покровская, она обычно представляла своим волшебным голосом поэтические новинки.

Это я рассказываю о первых шагах, первых выходах в свет замечательных «Капель». А дальше — сборничек за сборничком — к великой радости всех нас, всё было издано уже в расширенном объёме.

В том же 1989 году, осенью, Наталия Дмитриевна

Наталья Дмитриевна Спирина

пригласила меня на конференцию. Там я впервые увидела её слайд-программы. Это было что-то удивительное! Такое сочетание и философских текстов, и живописных слайдов, и музыки, которую Наталья Дмитриевна искусно подбирала сама, — это было именно что-то возносящее! На конференцию приехали представители из Хабаровска, Владивостока, буквально со всей страны собрались люди, и была такая сплочённость! Никому не хотелось разъезжаться — с таким ощущением я уезжала домой.

Корр.: Была ли у Вас переписка с Натальей Дмитриевной?

С.П.: Была. Правда, довольно лаконичная. Наталья Дмитриевна присылала чаще открытки. Мы звонили друг другу.

О слайд-программах я написала в «Советскую Сибирь». Тогда я настолько была поражена ими, что поехала в редакцию и договорилась, что из Москвы непременно пришлю материал. Заранее получила согласие, отправила статью, и тут же эта вещь пошла. Вот так у нас шло сотрудничество.

Сама Наталья Дмитриевна была просто великолепным популяризатором! Из всех рериховедов, которых я к тому времени узнала, Наталья Дмитриевна была самым эрудированным. У кого-то были лекции «Рерих — художник», или «Рерих — археолог», или «Рерих — учёный» и т.д. А Наталья Дмитриевна синтезировала все аспекты деятельности Николая Константиновича, и не только его, но и всей семьи Рерихов. Это было всеобъемлюще, и неудивительно,

потому что здесь всем правила любовь. Любовь — к подвижникам духа. Поэтому у неё и жизнь плодотворно сложилась и она оставила великолепное наследие — и творческое, и как организатор — создатель Рериховского Общества и, наконец, Музея Н.К. Рериха. Это было Великое Служение. Этим надо гореть.

П.Ф. Беликов тоже крупный, широкого диапазона рериховед, но когда я с Натальей Дмитриевной познакомилась, его уже не было на земном плане. Читала и слышала многих рериховедов, но такого всеобъемлющего — никогда. Она, быть может, больше чем учёный. Вот что может сделать любовь.

Последний раз я видела Наталью Дмитриевну в 2001 году, у неё дома на Цветном проезде. Был крепкий мороз. Я привезла ей в подарок огромную книгу о театрально-декорационном искусстве Н.К. Рериха. Наталья Дмитриевна сидела в кресле, она не совсем хорошо себя чувствовала, но её ответы на вопросы звучали чётко, исчерпывающе, в них была какая-то совершенная чистота.

Корр.: Если коротко сказать — что Вам дала, что значила для Вас Наталья Дмитриевна?

С.П.: Много, очень много. Главное, она дала целостный подход к изучению наследия Рерихов. Тогда только-только всё возникало, складывалось какими-то отдельными фрагментами, а Наталья Дмитриевна дала сразу просветительский синтез — в этом была её сила. Понимаете, даже первые слайд-программы строились так, чтобы человек видел суть в целом. Очень важен такой космический, глобальный подход и к творчеству, и к биографии семьи Рерихов.

Говорится: «Ищите — и обрящете, стучите — и откроется вам». И у меня это буквально получилось, я сама постучалась, и мне открылось такое постижение, такая чистота, мудрость, устремлённость! Нельзя, чтобы в большом деле был какой-то эгоизм, честолюбие или что-то подобное, ведь это очень мешает, отталкивает и всё рушит. У Натальи Дмитриевны этого не было, и отсюда её созидательная сила и творящий результат. Она трудилась не для себя, а для Общего Блага. Это было главное.

*Интервью взяли Т. Бугаева, С. Деменко
Декабрь 2008 г.*

Олег РЫЖОВ, г. Новосибирск

«Я уходил от неё окрылённый...»

Признаться, я волнуюсь, потому что говорю о Наталии Дмитриевне Спириной.

Жила она в Академгородке за Торговым центром. Лет 10 назад меня пригласили к ней, да, собственно, что значит пригласили? — я сам рвался. Мне нужно было рассказать о ней, о её работе, о Сибирском Рериховском Обществе, — многое нужно было рассказать для страны (я тогда работал на радиостанции «Маяк»). И наконец я получил разрешение, приехал, вошёл в подъезд её дома.

Каждый день мне доводилось встречаться всё с новыми и новыми людьми, это была моя профессия. Но так же, как и сейчас, я волновался на той лестнице в обыкновенном хрущёвском доме. Потому что Наталия Дмитриевна уже в те времена была совершенно *особым* человеком.

Я зашёл и увидел её, сидящую строго и прямо, вид у неё был аристократичный, а точнее — благородный.

В рассказе Наталии Дмитриевны было гораздо больше, чем сам рассказ. Удивительные мысли, такие простые и в то же время глобальные. И это было интересно, это захватывало.

Потом я ещё несколько раз с ней встречался, мы говорили на разные темы. И всегда она меня поражала, с одной стороны, сдержанностью, а с

другой — необычайной живостью. Мне было очень интересно с ней беседовать. Она несла в себе такие знания, такие впечатления, такое осмысление жизни, творчества и философии Рерихов! Своей жизнью, своею мыслью она утверждала заветы Николая Константиновича Рериха. Наталия Дмитриевна была ученицей Б.Н. Абрамова — в свою очередь, одного из первых учеников Рериха. Она восприняла главное и была достойным продолжателем того дела, которому посвятила свою жизнь. Это понимали и понимают многие люди. И не случайно на открытии Музея Н.К. Рериха, когда читали её стихотворение (это было её завещание — впервые прочесть его на открытии) — с каким благоговением люди слушали его! Это как раз и говорит о масштабности её жизни, и мысли, и поступков, и многого того, что она несла — самоотверженно, с определённым самоотречением, но она донесла главное. Я вспоминаю, что всегда уходил от неё окрылённый, — душа была окрылённой.

Поражала глубокая, не декларативная, духовность Наталии Дмитриевны. И *это* передавалось от неё другим людям, так же как и её большая вера в главное дело своей жизни. Это её и возвысило, и придало ей особые силы. Она была *удивительная* женщина!

Интервью взяла Т. Бугаева 9 октября 2007 г.

Н.Д. СПИРИНА

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество — это Ты.

Одиночество — это мечты, —

И выполнение их.

Осуществление их.

Одиночество — видеть явь,

Всю реальность в себя вобрав, —

Шёпот речей Твоих.

Шелест шагов Твоих.

Одиночество — это Храм,

Самосозданный, свой Ашрам, —

Для Тебя,

Одного Тебя.

Из неопубликованного

Одиночество — духа весна,

Пробуждение ото сна, —

Уход от себя.

Потеря себя.

В одиночестве Космос здесь,

В этом сердце вместился весь.

Потому одиночества нет,

Есть единый Свет.

Всё в одном.

Одно во всём.

О м.

8.08.1951

Нина ВАСИЛЬКОВА

РЕРИХ В РОССИИ* Штрихи к биографии

В одном из периодических изданий 1914 года читаем: «Некоторые истинные художники... несут в своей душе некий дар, некое горение... назовём его... предчувствием, духовным зрением... Душа такого художника живёт не по тем же законам, что и наша, её "ткань" более чувствительна не только к формам материальным, но и к влияниям и веяниям духовным. Одного такого художника знает и современность — мы говорим о Николае Константиновиче Рерихе... Вот уже четверть века, как он "ушёл" в свою древнюю, чудесную страну. Затворился в ней, погрузился весь в таинственный мир, где всё движется по своим законам... Много лет посвятил Рерих воспеванию этого чудесного, ему открытого мира, и много создано им отличных картин... Но вдруг этот мерный, широкий, ясный... поток нарушается, его течение становится беспокойным, и в его текучем зеркале предстают новые видения, грозные и непонятные».

Одно из первых таких видений Рерих передал в картине «Пречистый Град — врагам озлобление» (1912). Эта картина была представлена в рождественском номере журнала «Огонёк» как иллюстрация к сказке «Золотой кафтан» Алексея Ремизова со словами художника:

Н.К. Рерих. ПРЕЧИСТЫЙ ГРАД — ВРАГАМ ОЗЛОБЛЕНИЕ. 1912

«"Колесо огненное — не спалит праведных.

Пречистый Град — врагам озлобление".

Посвящаю дорогому А.М. Ремизову».

Перед Первой мировой войной Рерих пишет сказку «Сон», в которой обращается к великому заступнику Николаю Чудотворцу с просьбой защитить Пречистый Град: «Никола Милостивый! (...) Злые силы на нас ополчились. Защити, владыко, пречистый град! Пречистый град — врагам озлобление!

Прими, владыко, прекрасный град! Подвигнь, отче, священный меч! Подвигнь, отче, всё воинство!»

В 1912 году художник создаёт картину «Меч мужества»; пламенный страж «приносит к воротам великого, вознёсшегося на горе замка, объятого покоем и тишиной... меч мужества, ибо скоро наступят сроки, когда он будет нужен...».

Тогда же написано и полотно «Ангел Последний» — «непреклонно стоящий среди клубящихся огненных облаков, над землёй, пылающей последним пламенем».

В 1913 и 1914 годах художник пишет два варианта картины «Крик змия». «Где-то таящийся под землёй огненный, или кровавый, змий кричит, голосит, и в бешеном полёте мчатся от того крика огненные поджигательные птицы», — писал об этих картинах

Всеволод Иванов. А вот слова самого художника: «И проснулся змей. Поднялся враг рода человеческого. Пытался злословно мир покорить. Города порушить. Осквернить храмы. Испепелить людей и строения. Поднялся себе на смерть».

Великий мастер создаёт образы того, «что ещё не существует, но что грядёт в мир», писал Всеволод Иванов. С наступлением 1914 года грядущие события отображаются на его полотнах всё более точно и определённо; новые картины рождаются одна за другой.

В 1914 году появляются «Три короны». Описание этой картины встречаем в Записях Бориса Николаевича Абрамова: «В смертный бой вступили три короля. Из-за чего бьются они? Что хотят отнять они

* Окончание. Начало в №№ 10, 11, 2008; 1, 2009.

друг у друга? (...) ...Бьются трое: ...кайзер Вильгельм, Иосиф Австрийский и Николай Романов вступили в войну. На картине высоко в небе, над сражающимися фигурами уплывают три короны, чтобы никогда уже более не вернуться на их незадачливые головы. Так снова художник предвидел ход мировых событий и исход великой войны. Этому можно не удивляться, понимание будущего свойственно некоторым выдающимся людям» (*Грани Агни Йоги. Т. 1. 31 октября 1960 г.*).

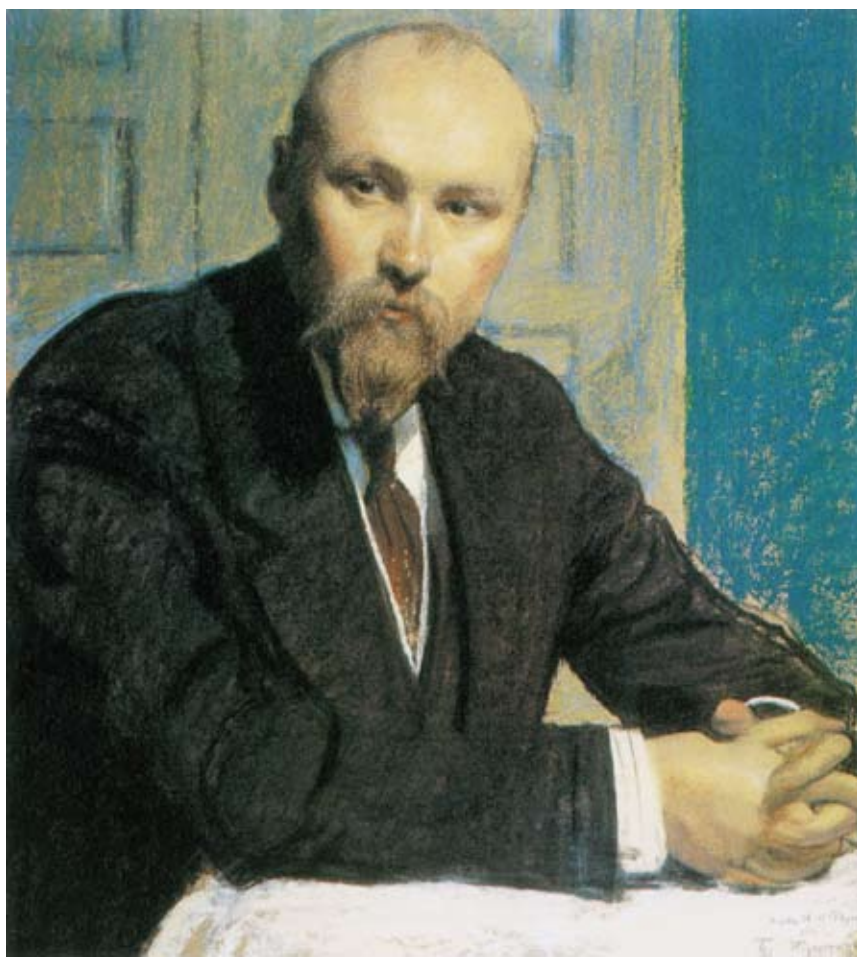
«Затем художник видит "Град обречённый" [1914] — беззащитное, хрупкое человеческое гнездо окружено великим змием, и нет выхода, нет спасения... — пишет современник Рериха, корреспондент газеты "Нива". — "Град обречённый" переходит в "Зарево" [1914] — город уже объят огнём, под его нашествием склоняется всё, гибель и уничтожение на его пути, в ярости кровавого пламени погибает мир...»

«Кровавое небо — символ грядущей войны, а красные и алые краски — символ идущей за ней революции. На фоне этих красок обречённость старого замка, старого мира. ...Словно предвидел художник и неизбежность кровавой войны, и неизбежность последовавшей за ней революции, когда красные знамёна были подняты во имя освобождения народов от оков старого мира. И то, что старый мир бесповоротно осуждён законом исторической справедливости и законом общественного развития, явствует из самого названия картины "Город обречённый". Ибо мир старый действительно обречён... и уйдёт, и уступит дорогу Новому Миру свободы и счастья...» — так говорится в Записях Б.Н. Абрамова (*Грани Агни Йоги. Т. 1. 31 октября 1960 г.*).

«И наконец, как завершение этого... цикла художник даёт "Дела человеческие" [1914] — град разрушен, от всего его строения остались только... камни, и люди с печалью и страхом взирают на них».

Таковы были видения, представшие перед «взором художника в последние дни мира и тишины», а 1 августа 1914 года — начало Первой мировой войны — показало «всю их истинную пророчесственность, их предшествование событиям...».

Начало войны потрясло Н.К. Рериха. Всё, что он предсказывал и изображал, — всё стало явью. И сразу же после нападения немецкой армии на Бельгию и Францию появляется открытое письмо Рериха в газету «Русское слово» (Москва): «Предлагаю русским художникам и друзьям-французам, имеющим отно-

Б.М. Кустодиев. ПОРТРЕТ Н.К. РЕРИХА. 1915

шение к немецким и австрийским художественным обществам, отказаться от всякого участия в них. Мы должны все выразить негодование и отвращение к варварскому насилию немецкого народа, в среде которого ныне заглух культурный голос человечества. Настоящим слагаю с себя звание члена венского "Сецессиона"».

Вскоре выходит ряд статей Николая Рериха, среди которых «Лувен сожжён» — об уничтожении в бельгийском городе библиотеки и предметов искусства всемирного значения; «Разрушение Реймского собора» — древнего памятника человеческого гения во Франции. «Война с произведениями искусства, с книгами, картинами, статуями, памятниками зодчества... Может ли представить себе человеческий ум что-либо более чудовищное и омерзительное!» — пишет он. Возмущённый актами неслыханного вандализма, Николай Константинович, являясь членом Реймской академии художеств, отправляет от имени совета профессоров школы Общества поощрения художеств, общества «Мир искусства» и ряда газетных издательств телеграмму президенту Франции с выражением соболезнования: «Неужели столько десятков тысячелетий человечеству нужно было совершенствоваться, учиться, возвышаться, для того

Н.К. Рерих. ТРИ КОРОНЫ. 1914

чтобы сегодня мы узнали, что Реймс разрушен!» Следом (11/24 сентября 1914 г.) идёт обращение от совета профессоров школы Общества поощрения художеств к послу Североамериканских Соединённых Штатов с просьбой довести его до сведения правительства США: «Именем священного искусства, именем высшей молитвы человечества, именем всего, что совершенствует и возвышает мир, просим вас всеми силами протестовать против преступных разрушителей...»

«...Возгорается великая война, — записал позже Николай Константинович в "Листах дневника", — докладывая покойному Императору [Николаю II] о необходимости нового Красного Креста Культуры. Он сочувствует, но события нагромождаются. Печатается знаменный плакат мой [«Враг рода человеческого» (1914)] и широко рассылается и по армиям, и по военным зонам. ...Изображение впервые входит в жизнь и своим видом требует осмотристельности и бережливости к сокровищам Культуры. Тогда же обмениваемся письмами с нашим давним приятелем, главным инспектором Министерства искусств в Париже Арманом Дайо. И у него такие же идеи, он посвящает номера своего журнала осквернённым сокровищам искусства и мыслит в тех же наших линиях».

Как набат, звучал в годы Первой мировой войны призыв великого деятеля культуры Николая Рериха к защите и охране уже не только русских, но и мировых культурных ценностей. Этот призыв нашёл отклик у

общественности многих стран; имя художника было в первых рядах защитников мировой культуры.

В октябре 1914 года на выставке картин, средства от продажи которых предназначались для военного лазарета, была представлена и картина Рериха «Дела человеческие», которая, по отзыву корреспондента «Петроградской газеты», «является как бы упрёком современному человечеству, обращающему целые города в развалины».

«Стоят и вопиют люди, видя падение могучего города, и сетуют горько, видя гибель его, и напрасно озираются, не найдут ли его на ином месте таким же цветущим и крепким, — пишет о картине Алексей Ремизов. — ...Всё, что руками человеческими построено, руками же человеческими и будет разрушено. Таковы дела человеческие. Гибель и тлен — удел их. Перестаньте плакать! (...) Не скорбите, не сетуйте! Пока бьётся сердце и горит в вас желание — жив дух в душе, не престанет жизнь. Новый город вы постройте, и будет он краше и поваднее всех городов, новый город, окликанный».

В марте 1915 года открывается очередная выставка «Мира искусства», на ней наряду с картинами Рериха предвоенной тематики были выставлены две его картины, посвящённые Прокопию Праведному. Александр Гидони (1885 – 1942(?)), русский искусствовед, прозаик и драматург, описывая для журнала «Аполлон» эту выставку и творческий путь Николая

Константиновича, отметил: «Когда на расстоянии вспоминаешь все эти картины, созданные Рерихом на протяжении последних двух лет... до великой войны, невольно хочешь многое в них объяснить интуитивными предчувствиями художника. Потому что стихия этих картин (за исключением "Прокопия Праведного", "благословляющего" и "отводящего тучу") — пожар. (...) Как в историческом рассказе, он припал ухом к земле, прислушался. И был шум, крики, смятение в одном стане, тишина великая — в другом. (...) Что бы ни было, завтрашний день несёт новое, вчерашняя жизнь не повторится».

Участник выставок «Мира искусства» художник Степан Яремич сказал о выставленных картинах Рериха: «Но не на всём лежит печать угрозы и разрушения. Есть и бодрый аккорд, выражающий твёрдую веру и упование на то, что гроза пройдёт и снова засияет солнце. Отголоски бури ещё видны в картине "Прокопий Праведный отвёл каменную тучу от Устьяга Великого" [1914], и чудесной широтой, радостью и привольем веет от картины "Прокопий Праведный за неведомых плавающих молится" [1914]. Здесь уже на всём — печать тишины и полного спокойствия».

Такой серьёзности и такого живого выражения настроения духа эпохи нет ни у одного из современных художников».

«И, странно, как только разразилось то, что с такой ясностью и настойчивостью предрекал Рерих, так сразу его душа освободилась от этих образов, сразу вернулась на свой прежний путь: перед ним предстали снова его издавна любимые, издавна знакомые образы». «Мастер всё вдохновеннее вглядывается в нетленную красу небесных созвездий, всё крепче хочет связать её с тайной земли, всё убеждённое ищет родственных нитей между миром "этим" и "тем"... Так жёлто-красным, бурным облакам в картине "Стрелы неба — копыя земли" (1915) внизу отвечают словно полные пламени холмы, между которыми в ущелье движется рать — видны только устремлённые ввысь копыя и знамёна. В "Знамении" (1915) древний в священном трепете взирает в бескрайнюю высоту радужного весеннего неба».

На картинах «Звёздное небо» (1914), «Веления неба» (1915) и на довоенной картине «Звёздные руны» (1912) художник изображает людей, взгляд которых устремлён вверх — в небеса. Всеволод Иванов отмечал: «Трудно истолковать содержание картин Рериха... Эти картины нужно видеть и, конечно, прежде всего... понимать. Во всех картинах — это некоторые звучания неба. ...Явно чувствуются небожители, но они скрыты либо под облаками, под звёздами, иногда просто под роскошной игрой светов, а иногда под игрой масштабов пространств и человеческих фигур,

но всегда в его картинах имеется, чувствуется, угадывается чьё-то немое присутствие и в то же время их веление, их влияние на судьбу человека».

— Подвиг! — вот что как бы гласит это веление неба на картинах Рериха; подвига! — ...требует небо от человека, посланного в мир».

В октябре 1915 года Николай Рерих обращается в главное управление Красного Креста с предложением организовать в Петрограде особые курсы для «обучения искусствам пострадавших на войне и неспособных к дальнейшей службе воинских чинов», и это предложение принимается. Создаётся комиссия по открытию художественно-ремесленных мастерских, которые планируют разместить в Зимнем дворце, в помещениях лазаретов и при Обществе поощрения художеств, где «академик Рерих, — по сообщению прессы, — будет заведовать... преподаванием иконописи, чеканки, набойки, резьбы по дереву и басмы».

В это же время по инициативе директора Рериха при Обществе поощрения художеств создан Музей русского искусства, живописи и скульптуры.

В январе следующего года при Эрмитаже была образована специальная комиссия по вопросам реставрации художественных произведений, в которую вошли представители различных музеев и обществ по защите и сохранению памятников искусства и старины. Среди них был и Н.К. Рерих.

Всё лето 1916 года художник провёл в Новгородской губернии и в самый разгар войны написал ряд значительных полотен, среди которых «Три радости». «Хожалый гуслир повешает поселянину о трёх радостях. Сам Святой Егорий коней пасёт, сам Николай Чудотворец стада уберёт, а сам Илья Пророк рожь зажинает» — так писал о картине автор. «Затем был написан "Св. Пантелеймон Целитель", ходивший по безбрежным увалам и степям в поисках целения человечества», и «Св. Никола», в летний ясный день вышедший «из храма на зелёный луг посмотреть, всё ли спокойно и тихо на земле».

«Как и всё, что он [Рерих] делал, это не было случайностью, — пишет Наталия Дмитриевна Спирина в статье "Святые — радость наша". — В эти трудные годы мысли художника направлялись к нашим высоким Заступникам и Покровителям, никогда не оставлявшим Россию в беде. "Великая любовь заложена в основании Высшего Мира". Именно эта любовь, это безграничное сострадание лежат в основе всех подвигов Великих Святителей и их помощи простым людям земли. Из Твердыни Знания и Любви исходит эта помощь. И особенно тогда, когда мы призываем её пламенно».

«Велико счастье, когда в переживаемое нами тяжкое время можно находить приток сил и радость в

Н.К. Рерих. ЗАРЕВО. 1914

Ещё до войны директор Лувра г-н Карно просил об устройстве личной выставки Николая Константиновича в Париже; тогда мировые события помешали художнику принять это приглашение.

Осенью 1916 г. в Петрограде создаётся особый комитет по устройству грандиозной персональной выставки картин академика Н.К. Рериха в пользу пострадавших от войны. Предполагалось выставить 400 произведений как из личной коллекции художника, среди которых около 60 ещё нигде не выставлявшихся, так и из

картинных галерей и частных собраний. Открытие должно было состояться в Петрограде в феврале 1917 года. Но в связи с неприбытием картин из Швеции и Италии персональная выставка Рериха не состоялась, и лишь 40 его картин было представлено в отдельном зале «Мира искусства». Это была последняя выставка великого мастера в дореволюционной России.

создании чудесных образов. Ведь искусство — живой огонь и творение художника — есть мощный собиратель жизненной энергии», — писала Елена Ивановна Рерих, жена художника.

По инициативе Николая Константиновича в мастерской фарфора и фаянса Общества поощрения художеств в 1916 / 1917 учебном году было положено начало изготовлению грандиозного сервиза с изображением русских городов и исторических мест всей империи. Это должно было стать выпускной работой студентов.

В ноябре 1916 года в издательстве «Свободное искусство» выходит очередная книга, посвящённая жизни и творчеству академика живописи Николая Рериха, с множеством репродукций его картин (статьи Бенуа, Яремича, Балтрушайтиса, Ремизова, Гидони) и с портретом художника работы Б.М. Кустодиева (1915). Тираж был небольшой — 500 экземпляров, поэтому книга сразу же стала библиографической редкостью и, к сожалению, не получила того распространения, которое было бы желательно в интересах воспитания и развития художественного вкуса.

В этом же году издательством «Аполлон» была выпущена монография «Н.К. Рерих» со статьёй Александра Гидони. Пресса оповещает о готовящихся изданиях — «Современная русская графика» и «Русское театральное-декоративное искусство», в которые входят и работы Н.К. Рериха.

Издательство «Свободное искусство» выпускает ряд художественно-литературных книжечек «Наш журнал», посвящённых детскому творчеству, при участии художников, в числе которых был и Николай Константинович Рерих. Там были представлены произведения самих детей — рисунки, стихи и проза; в их числе и работы Святослава¹ и Юрия² Рерихов.

«Может быть, никогда Рерих не проявлял себя столь сильным и тонким пейзажистом, как на настоящей выставке, — писал А. Ростиславов, корреспондент газеты "Речь", — в таких, например, [картинах] как: "Разлив" [1916], "Взгорье" [1916], "Озёрная деревня" [1915] и особенно "Знак" [1916], где небо над горизонтом изумительно по тончайшей передаче тона и в лаконизме передачи так согласован весь пейзаж».

Все эти годы продолжалось творческое общение Николая Рериха с деятелями науки и культуры того времени. Художник вспоминал: «После университета у меня в мастерской в Поварском переулке собирался очень ценный кружок — Лосский, Метальников, Алексеев... Бывали хорошие беседы...» Эти встречи оставили у него яркое впечатление.

«Кроме друзей из живописно-художественного мира, всегда были близки ещё три группы — а именно зодчие, музыканты и писатели. (...) С зодчими, которые потом даже избрали меня членом Правления их Общества, дружба складывалась вокруг строительства. Пришёл Щусев³ — один из самых замечательных архитектурных творцов. С ним делали мозаику для Почаева, часовню для Пскова... С Покровским⁴ де-

тор.

¹ Стихотворение «В деревне», рис. «Лесок».

² Рис. «За кулисами», «Война» и «На улице зимой».

³ Щусев Алексей Викторович (1873 – 1949) — архитектор.

⁴ Покровский Владимир Александрович (1871 – 1931) — архитектор.

лали Голубевскую церковь под Киевом, мозаики для Шлиссельбурга. Иконостас для Перми. С Алёшиным делались богатырские фриз у Бажанова... (...) А там уже начинался храм в Талашкине с М.К. Тенишевой⁵... После подошёл тоже замечательный архитектор Щуко⁶...» С Владимиром Алексеевичем Щуко Николай Константинович работал в школе Общества поощрения художеств. «За время совместной работы мы с ним выдержали немало ретроградных академических натисков, и он понимал, что в этих житейских битвах единение есть первое условие», — вспоминал художник.

«Из писателей — дружеские отношения с Горьким, Леонидом Андреевым и с некоторыми корифеями старшего поколения. Мы любили и ценили Мережковского...» «Случалось так, что Горький, Андреев, Блок, Врубель и другие приходили вечерами поодиночке, и эти беседы бывали особенно содержательны. Никто не знал об этих беседах при спущенном зелёном абажуре. (...) Жаль, что беседы во ночи нигде не были записаны. Столько бывало затронуто, чего ни в собраниях, ни в писаниях никогда не было отмечено».

Об одной встрече с Горьким, спустя несколько лет, художник писал в «Листах дневника»: «Помню, как однажды, когда в одной большой литературной организации нужно было найти спешное решение, я спросил Горького о его мнении. Он же улыбнулся и ответил: "Да о чём тут рассуждать, вот лучше Вы как художник почувствуйте, что и как надо. Да, да, именно почувствуйте, ведь Вы интуитивист. Иногда поверх рассудка нужно хватить самую сущностью"».

«Леонид Андреев... был моим особенным другом. Как-то сложилось так, что наши беседы обычно бывали наедине».

Встречи с Врубелем Николай Константинович описал в статье, отметил и советы его: «Помните крепко, что вы сами не нужны; нужны только ваши вещи».

Одна из многих статей Н.К. Рериха о встречах с деятелями искусства посвящена Борису Григорьеву. В ней он пишет: «Наши первые беседы были во время, когда он рисовал мой портрет [1913]. Славный

Н.К. Рерих. ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ. 1914

вышел рисунок. По силе выражения это был один из лучших портретов. Елена Ивановна искренно восхищалась силою лепки лба и глаз. С этого рисунка Григорьев написал большой портрет-картину. Большая голова на фоне огромного облака. Интересно описывал Григорьев эту картину мне в одном из писем». Борис Григорьев, в свою очередь, посвятил статью творчеству Рериха, сказав, что «он был первым, кто остался верен искусству... И, устремляясь всё дальше и дальше, во многом опередил наше смутное время».

«Помню беседы с Юоном [1874 – 1958]. Константин Фёдорович всегда вносил спокойную убедительность». Юон, спустя годы, уже в конце 1950-х, в статье о творчестве Н.К. Рериха сказал замечательные слова: «Знания учёного и глубокая интуиция большого художника лежали в основе замечательных картин... Он показал в своём искусстве те монументальные и величественные силы природы, которые некогда порождали в народах религиозное и экстатическое состояние, которые рождали пророков и проповедников. (...)»

Эмоциональное искусство Рериха почти непередаваемо словами — оно для глаз и для души.

«Особые отношения были с А.М. Ремизовым, — записано в "Листах дневника". — С одной стороны, мы как будто и не часто встречались, но зато внутреннее ощущение было особо задушевное. Вспоминаю его "Жерлицу Дружину". (...) Он не только мастер слога, но и ведун души».

⁵ Тенишева Мария Клавдиевна (1867 – 1928) — меценат, организатор смоленской художественной школы и мастерских в Талашкине.

⁶ Щуко Владимир Алексеевич (1878 – 1939) — академик, архитектор, театральный художник.

Н.К. Рерих. ПАНТЕЛЕЙМОН-ЦЕЛИТЕЛЬ. 1916

«Жерлицу Дружинную», написанную в архаическом стиле, Алексей Ремизов посвятил Николаю Константиновичу: «Из-за моря Варяжского змеиными тропами пришёл на Русь муж, как камень, и жил в своём каменном городе. (...) Как свой на Руси, строил он Русскую землю, со Святославом ходил на Царьград... (...) Он был на Каяле-реке с полком Игоря... и не забыть ему плача и жели, когда измена русских князей отворила врагу ворота на Русскую землю.

Прошёл век и другой, и, под камнем, снегом заваленный, слышал он, как грозный царь гулял по Руси. И последняя память погинула.

И вот через сколько веков опять показался на Руси, но уже не с моря Варяжского, а из Костромы-города, а сел в Петербурге на Мойке, уже не Рюрик, как величали его в Новгороде, а Рерих. (...)

Вспомнил, как сон, и рассказал нам о камнях... о морях... где плавал с дружиной... и как строилась Русь... (...) Он построил свой каменный город, просторный, как просторное море, и вольный, как вольность Господина Великого Новгорода, и жаркой цвет от жарких костров загорелся по Русской земле».

В первые дни февральской революции по инициа-

тиве М. Горького избирается комиссия, затем Совет при Временном правительстве по делам искусств, куда вошёл и Н.К. Рерих. Но уже в мае 1917 года Николай Константинович по состоянию здоровья вместе с семьёй уезжает в Финляндию. О его здоровье неоднократно сообщала пресса тех дней. Художником было даже составлено завещание от 1 мая 1917 года, в котором он обратился к общественности с такими словами: «Прошу Русский Народ и Всероссийское Общество Поощрения Художеств помочь семье моей; помочь, помня, что я отдал лучшие годы и мысли на служение русскому художественному просвещению».

Октябрьская революция застала Н.К. Рериха в Финляндии. Далее последует отделение её от России, а в начале 1918 года Россия уже была в кольце интервенции и граница с Финляндией закрылась. Николай Константинович оказался надолго отрезанным от Родины, куда он прибудет только в 1926 году во время своей легендарной Центрально-Азиатской экспедиции, после завершения которой он намеревался вернуться в Россию. До конца своих дней ждал Рерих разрешения на возвращение домой. Своё

пребывание за границей он считал временным и не принимал иностранного подданства, навсегда остался гражданином России.

С самого начала пребывания за рубежом Николай Константинович активно знакомит Европу, а затем и Америку с оригинальной культурой России, с её художественными шедеврами. За выставкой художника в Стокгольме (Швеция) в 1918 году следуют выставки в Норвегии, Дании, Финляндии, Англии.

Успех в Европе повлёк за собой приглашение в большое выставочное турне по городам Америки — с декабря 1920 по 1923 год. Выставки прошли с грандиозным успехом, какого не знал ещё ни один художник, это было в буквальном смысле триумфальное шествие. Картины покупались музеями и коллекционерами. Газеты пестрили восторженными отзывами. На картинах, выставленных в Америке, художник показал древний мир Руси, неизвестный американцам и воспринимаемый ими с особым интересом. Зрителей поражала также философская глубина его произведений. 17 ноября 1923 года в Нью-Йорке почитатели таланта Н.К. Рериха открыли музей его имени. Находясь в Америке, Николай Константинович публикует статьи о великих русских учёных, поэтах, писателях, художниках; в своих лекциях говорит о могуществе России, её неисчерпаемых богатствах, таланте русского народа и красоте его души.

«Никто до Рериха не ставил перед собой задачи средствами личного творчества — сотнями картин, этюдов, рисунков, статей, речей, лекций, книг — раскрыть другим народам величие и совершенство русского национального искусства» (А.Д. Алёхин).

«Великий художник! — восклицал испанский живописец Игнасио Сулоага⁷. — Его искусство свидетельствует, что из России на весь мир исходит некая сила, — я не могу измерить её, не могу определить её словами, но она налицо».

«Рериха можно сравнить с гигантским деревом, пустившим корни глубоко в одном месте, а свои великолепные ветви раскинувшим широко кругом — по всему миру, — сказал английский поэт и художественный критик Б. Конлан Д.⁸ — Из всех современных народов русские имеют, быть может, самых величайших гениев искусства, и если есть какой-либо великий ренессанс искусства... то выявление его выпало на долю России. Русскость Рериха не случайна и соединена с его непрерывным маршем по всему миру».

⁷ Игнасио Сулоага (Зулоага) (1870 – 1945) был почётным советником Института Гималайских исследований «Урусвати» и Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

⁸ Барнет Конлан Д. (ум. в 1973) — английский поэт и художественный критик, член Французского Рериховского общества, автор монографии о Н.К. Рерихе, состоял в переписке с ним.

И при всём этом «он сумел сохранить простоту и смирение, несмотря на то, что ни об одном художнике, можно даже сказать, ни об одном творце не писалось столько при их жизни, сколько о нём», — сказано в одном из писем Елены Ивановны Рерих.

В России и в Европе за период с 1907 по 1918 год было издано девять монографий и несколько десятков особых номеров художественных журналов, посвящённых творчеству Н.К. Рериха. Работы о творчестве художника в периодических изданиях дореволюционной России (1891 – 1918), составившие сегодня пять томов (около 3000 страниц), — «это голос далёкой эпохи, это свидетели и хранители прошлого, той информации, которую можно собрать, как мозаику, в единое целое, из которого получится картина, способная оживить события давно ушедших лет».

В июле 1947 года в ожидании возвращения на Родину в письме в Москву Николай Константинович писал: «Широка была пашня... с года нашего отъезда многие народы слышали справедливое слово и поняли великую сущность Народа Русского. И кистью, и пером, и словом каждый из нас в своей области служил Родине. А ведь много где побывали, прошли и пустыни, и веси и собрали урожай немалый. Пора поделиться им с друзьями...» «Время создания Культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. (...) Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. (...) И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, мы знаем, что производим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты откроет все "священные врата"».

Литература

- Алёхин А.Д. Н.К. Рерих. М., 1974.
 Держава Рериха. М.: МЦР, 2004.
 Держава Рериха. М.: Изобразительное искусство, 1994.
 Князева В.П. Н. Рерих. М., 1968.
 Короткина Л.В. Н.К. Рерих. СПб., 1996.
 Николай Рерих в русской периодике. Вып. III – V. СПб., 2006 – 2008.
 Н.К. Рерих. 1917 – 1919: Материалы к биографии. СПб., 2008.
 Письма Елены Рерих. VI, VIII. М., 2006, 2008.
 Рерих Н.К. Держава Света. Священный Дозор. Рига: Виеда, 1997.
 Рерих Н.К. Зажигайте сердца. М., 1990.
 Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1 – 2. М., 1995.
 Рерих. Рига, 1939.
 Спирина Н.Д. Полное собрание трудов. Т. 2. Новосибирск, 2008.

Наталья КУЛАКОВА, г. Москва

ПРЕКРАСНЫЙ ОБЛИК Софья Ковалевская

Софья Ковалевская

Каждый обязан свои лучшие
силы посвятить делу большинства.
С.В. Ковалевская

«Я чувствую, что предназначена служить истине — науке и прокладывать новый путь женщинам, потому что это значит — служить справедливости. Я очень рада, что родилась женщиной, так как это даёт мне возможность одновременно служить истине и справедливости».

Так сказала о себе замечательная русская женщина — Софья Васильевна Ковалевская, выдающаяся представительница математической науки XIX века, первая женщина член-корреспондент Петербургской академии наук, профессор Стокгольмского университета, писательница и передовая общественная деятельница своего времени.

В истории нашей науки немного найдётся женских имён, которые были бы известны всему миру. К их числу принадлежит имя Софьи Васильевны Ковалевской.

Краткую биографию С.В. Ковалевской мы найдём в письме Е.И. Рерих к А.М. Асееву от 22 февраля 1936 года: «Неужели Вы ничего не слышали о Софии Ковалевской, гениальной математичке, нашей русской гордости? Уже давно я читала её автобиографию на французском языке, охватывающую лишь её детство и отрочество. Последующий период её краткой жизни описан был её большим другом, известной шведской писательницей (А. Ch. Leffler¹). Конечно, по давно заведённому у нас, русских, обычаю её гениальные математические способности должны были быть оценены сначала за границей; и только после всех её совершенно исключительных триумфов там, перед самой смертью, а может быть, как это чаще бывает, и после смерти она удостоилась избрания в члены СПб. Академии Наук!!»

Далее Елена Ивановна приводит краткую заметку о Ковалевской из Британской Энциклопедии: «"София Ковалевская (1850–1891), русская великая математичка, родилась в Москве 15 января в 1850 году. В 1868 году она вышла замуж за молодого студента Владимира Ковалевского, после чего вместе с мужем она уехала в Германию продолжать свои занятия по математике. В 1869 году она изучала свой предмет в Гейдельберге под руководством фон Гельмгольца, Кирхгова, Кенигсбергера и П. Дю Боа-Реймонд, а в 1871–1874 гг. занималась частно с Карлом Вейерштрассе в Берлине, ибо женщинам не был открыт доступ в Университеты. В 1874 году Университет в Геттингене удостоил её звания доктора "ин абсентиа"² за три присланные ею диссертации, из которых одна, касающаяся теории "частичных дифференциальных уравнений", является одной из её наиболее замечательных работ. После своих лекций в Стокгольмском Университете Ковалевская в 1884 году была назначена там профессором по настоянию Густава Миттаг-Леффлера, также ученика Вейерштрассе. Она оставалась на этом посту до самой смерти. В 1888 году она достигла вершины своей славы. Французская Академия Наук присудила ей Приз Борден на конкурсе, в котором принимали участие все светила математики. Задание, предложенное конкурсу, было — "усовершенствовать в одной

¹ Анна-Шарлотта Леффлер.

² In absentia (лат.) — заочно.

важной точке теорию движения плотного тела вокруг неподвижной точки". Задание это предлагалось уже раньше в течение шести лет Берлинской Академией, но безуспешно. Решение Ковалевской было настолько блестяще, что сумма Приза была удвоена, чтобы подчеркнуть эту необычную заслугу перед наукою. К сожалению, Ковалевская умерла 10 февраля в 1891 году, когда она достигла вершины своей известности и получила признание *даже* в своей стране, она была избрана в члены С.-Петербург. Академии Наук". Обратите внимание на это *даже*».

Елена Ивановна пишет, что Ковалевская была не только гениальной математичкой, но и прекрасной писательницей. Её автобиографическая повесть, романы «Нигилистка» и «Сёстры Раевские» свидетельствуют о её большом литературном даровании; она также писала стихи.

В последние годы жизни Софья Васильевна мечтала о серьёзной литературной деятельности. В ней соединились две страсти: математика и литература, и до конца своей жизни она так и не могла решить, к чему больше тяготеет.

В шестидесятые годы XIX столетия лучшая часть русского общества была охвачена стремлением к просвещению, ширилось движение за открытие женских школ и университетов. Но пока их не было, некоторые русские женщины для получения образования стали уезжать за границу. Мечтали об этом Анна и Софья Корвин-Круковские, к ним были готовы присоединиться и другие девушки. Для этого практиковалось заключение фиктивных браков.

Кандидатом на брак с Соней стал Владимир Онуфриевич Ковалевский. Для него это знакомство явилось стимулом к серьёзным занятиям естествознанием, интерес к которому поддерживался тем, что его старший брат, Александр Онуфриевич, был крупным зоологом. И можно только изумляться тому, что все исследования были проведены В. Ковалевским в такой короткий срок — с 1870 по 1874 г. В жизни учёного это был период творческого подъёма, который уже никогда более не повторился.

А пока, познакомившись со своей невестой, Владимир Ковалевский писал брату: «Несмотря на свои 18 лет, воробышек [так называли Соню в семье за малый рост] образована великолепно, знает все языки как свой собственный и занимается до сих пор главным образом математикой, причём проходит уже сферическую тригонометрию и интегралы — работает, как муравей, с утра до ночи и при всём этом жива, мила и очень хороша собой. Вообще это такое счастье свалилось на меня, что трудно себе и представить». И ещё, тоже брату: «Я со всею своею опытностью в жизни, с начитанностью и напористостью не могу и вполнину так быстро схватывать и разбирать разные политиче-

ские и экономические вопросы, как она; и будь уверен, что это не увлечение, а холодный разбор».

Я думаю, что эта встреча сделает из меня порядочного человека, что я брошу издательство и стану заниматься, хотя не могу скрывать от себя, что эта натура в тысячу раз лучше, умнее и талантливее меня. О прилежании я уже не говорю, как говорят, сидит в деревне по 12 часов, не разгибая спины, и, насколько я видел здесь, способна работать так, как я и понятия не имею. Вообще, это маленький феномен, и за что он мне попался, я не могу сообразить».

В этих строках вся суть Софьи Ковалевской, такой она была с юных лет и до конца своей недолгой, но такой яркой жизни. Поражающая всех работоспособность, необыкновенное восприятие материала и — отдача во всём — в работе, учёбе, дружбе, любви. Как говорила она сама — интенсивность составляла самую сущность её натуры.

И ещё одна яркая черта этой замечательной женщины — она мечтала о прекрасном будущем для всех и пыталась приблизить его. Она жила идеями Чернышевского и Писарева, и звание «нигилистка» будет сопровождать её всю жизнь.

Как вспоминала о С. Ковалевской её двоюродная сестра С. Аделунг, Соня «была постоянно готова пройти сквозь огонь, умереть мученической смертью за свои высокие идеалы, за человечество». Она умела и других захватывать своим «воодушевлением, которое светилось в её глазах и звучало в словах».

Из воспоминаний Юлии Всеволодовны Лермонтовой, многие годы жившей рядом с Софьей Васильевой и растившей её дочь, почему она и звалась «мама Юля», мы больше узнаём о внутреннем мире Ковалевской. Она могла несколько часов подряд предаваться самой усиленной умственной работе, не вставая из-за стола. А вечером, после целого дня напряжённой работы, она поднималась со стула так сильно погружённая в свои мысли, что начинала ходить по комнате быстрыми шагами, причём казалась совершенно оторванной от действительности; фантазия, по-видимому, уносила её далеко за пределы настоящего.

По ночам она очень мало и беспокойно спала. Часто просыпалась, пробуждаемая каким-нибудь фантастическим сном, и просила Юлию посидеть с нею. Она охотно рассказывала свои сны, которые всегда были очень оригинальны и интересны.

Ставя перед собой самые сложные цели, она страстно желала их достигнуть. «Но, несмотря на это, — писала Ю.В. Лермонтова, — я никогда не видела её в таком грустном, подавленном состоянии духа, как когда она достигала предположенной цели». Это подтверждала и сама Ковалевская: «Я только тогда и счастлива, когда погружена в мои созерцания».

В 1870 году Софья Ковалевская стала ученицей

профессора математики Берлинского университета Карла Вейерштрасса, который принадлежал к гигантам мысли, оставившим глубокий след в математике. Он пользовался огромным уважением среди профессоров благодаря открытому характеру и благожелательному отношению к людям. В его лице Соня нашла для себя не только мудрого учителя, но и большого друга. Сохранилось 88 писем Вейерштрасса к Софье Ковалевской. Вот небольшие выдержки из них: «Говоря серьезно, милая, дорогая Соня, будь уверена, я никогда не забуду, что именно я обязан моей ученице тем, что обладаю не только моим лучшим, но и единственным настоящим другом... Ты можешь быть твердо уверена: я всегда буду преданно поддерживать тебя в твоих научных стремлениях». «Будь уверена, что моё отношение к тебе неизменно останется отношением верного и откровенного друга».

Ещё один соратник Ковалевской по математическим исследованиям — профессор Стокгольмского университета Густав Миттаг-Леффлер, ученик Вейерштрасса. И опять мы видим не только двух учёных, объединённых одной идеей, но и двух друзей.

Вот как описал Миттаг-Леффлер первую встречу с Ковалевской: «Она красива, и, когда говорит, её лицо озаряется выражением женственной доброты и высокой интеллектуальности, которые не могут не вызвать восхищения. Её манеры просты и естественны, без какого-либо педантизма или аффектированной учёности. Как учёная она отличается редкой ясностью и точностью выражений и исключительно быстрой сообразительностью. Не трудно убедиться в глубине, какой она достигла в своих занятиях, и я вполне понимаю, что Вейерштрасс считает её лучшей из своих учеников».

Главным делом Ковалевской, ради которого она приехала в Швецию в 1883 году, было преподавание высшей математики. Слушателями были студенты и молодые преподаватели. Софья Васильевна старалась провести лекции безукоризненно, чтобы все могли убедиться в том, что женщина может читать курс математики на высоком уровне.

Помимо педагогической деятельности, Ковалевская вела и другую работу. Миттаг-Леффлер привлёк её к сотрудничеству в журнале «Акта Математика», который он основал в 1882 году. Кроме того, она писала театральные рецензии и научные обзоры, которые публиковала в газете «Новое время». Одна из её научных статей посвящена вопросу о прямом использовании солнечной энергии. Указав на то, что запасы каменного угля истощаются, Ковалевская подчёркивает важность непосредственного получения и накопления энергии солнца. Когда люди этого достигнут и будут, «так сказать, ловить на лету сол-

нечные лучи, тогда поистине мы будем иметь право называться "сынами солнца"». В других статьях она говорит о воздухоплавании, рассматривает новейшие изобретения — телефон и телеграф. Ещё в одном очень обширном обзоре речь идёт о процессе брожения и сущности ферментов. Ковалевская разбирает теории брожения до Пастера и останавливается на воззрениях последнего. Затрагивает она и вопрос о самостоятельном зарождении жизни. Знание физики и естественных наук давало ей возможность писать обзоры с полным пониманием вопроса.

Не оставила Ковалевская и свою литературную деятельность, которую осуществляла в сотрудничестве с сестрой Густава писательницей Анной-Шарлоттой Леффлер, ставшей её близкой подругой. Ковалевская также широко участвовала в общественной жизни Стокгольма, за что жители столицы называли её «наша Соня». Но важнейшим делом её жизни всегда была научная работа.

Можно только удивляться тому, как многое она в себе совмещала: учёный, редактор научного журнала, писательница, общественный деятель, мать, светская дама.

Внезапная смерть Софьи Васильевны Ковалевской потрясла всех. На её похоронах Густав Миттаг-Леффлер сказал краткое прочувствованное слово: «От имени работников на поприще математических наук во всех странах, от имени всех близких и далёких учеников и друзей обращаюсь к тебе с последним прощанием и благодарностью. Благодарю за глубину и ясность, с которыми ты направляла умственную жизнь юношества, за что потомство, как и современники, будут почитать твоё имя. Благодарю и за сокровища дружбы, которыми ты оделяла всех близких твоему сердцу». Позднее, в 1893 году, на страницах журнала «Акта Математика» он писал: «Она явилась к нам провозвестницей новых научных идей; какое значение она придавала им для разрешения самых существенных жизненных задач, как охотно делилась необыкновенно богатым запасом знаний и своими идеями с каждым своим учеником!»

Единственным русским на похоронах был Максим Максимович Ковалевский, известный учёный, друг и однофамилец Софьи Ковалевской. Он сказал: «Софья Васильевна! Благодаря вашим знаниям, вашему таланту и вашему характеру вы всегда были и будете славой нашей родины. Недаром оплакивает вас вся учёная и литературная Россия. Со всех концов обширной империи, из Гельсингфорса и Тифлиса, из Харькова и Саратова присылают венки на вашу могилу. Вам не суждено было работать в родной стране, и Швеция приняла вас. Честь этой стране, другу науки. Особенно же честь молодому Стокгольмскому

университету! Но, работая по необходимости вдали от родины, вы сохранили свою национальность, вы остались верной и преданной союзницей юной России, России мирной, справедливой и свободной, той России, которой принадлежит будущее. От её имени прощаюсь с вами в последний раз!»

В книге «Беспредельность» (389) читаем: «Творчество настолько разнообразно, что можно утверждать, что формы создаются столькими энергиями, сколько насыщающих их потенциалов. Но творчество разделяется на видимое и невидимое. Трансформация космических форм, конечно, видима в своих следствиях, но самый наивысший, напряжённый процесс невидим».

Высказывания по поводу «невидимого» мы найдём и в письме Е.И. Рерих от 22 февраля 1936 г.: «Вы спрашиваете, как решала Ковалевская задачи? Конечно, с помощью огненной мощи. В своей автобиографии она говорит, что в детстве решения самых сложных задач иногда вставляли в её мозг мгновенно, также иногда она видела цифры и формулы как бы начертанными перед нею. Конечно, она много трудилась, как видно это из её биографии, но также несомненно, что в её случае касание огненного луча, который будил её "чашу" и вызывал забытое, было явлением не редким».

«Для работы мыслью обычной при математических вычислениях нужно время, карандаш и бумага или счётная машина. Не нужно всего этого при действии огненной мысли. Человек просто знает мгновенно то,

что хочет он знать. Это уже свойство огненного сознания, ещё столь далёкого от реализации его массами. Только в случаях редких и одиночных людям даются его проблески, как прообразы будущих достижений. Область огненной мысли есть область духа, освободившегося от власти над ним оболочек, область огненного сознания, когда оформлено уже огненное тело» (*Грани Агни Йоги. III. 502*). «Часто учёные получают формулы или направление именно через общение с Тонким Миром. Мысль и устремление также возжигаются Тонкими Сферами, но только дух, обладающий синтезом, не только берёт из сокровищницы "чаши", но он есть истинный сотрудник Космических Сил» (*Мир Огненный. III. 62*).

И как подтверждение высокого итога жизни С.В. Ковалевской — ещё несколько строк из письма Е.И. Рерих: «Облик Ковалевской мне очень близок... она сейчас находится в Твердыне Братства в состоянии уплотнённого астрала и занята очень ответственной работой по собиранию лучей из разных стран».

Литература

1. Ковалевская С.В. Воспоминания, повести. М.: Наука, 1974.
2. Ковалевская Софья. Воспоминания. М.: АСТ-ПРЕСС, 2005.
3. Рерих Е.И. Письма. IV. М.: МЦР, 2003.
4. Халамайзер А.Я. Софья Ковалевская. М., 1989.

С.В. КОВАЛЕВСКАЯ

ЕСЛИ ТЫ В ЖИЗНИ...

Если ты в жизни хотя на мгновенье
Истину в сердце твоём ощутил,
Если луч правды сквозь мрак и сомненье
Ярким сияньем твой путь озарил:
Что бы, в решение своём неизменном,
Рок ни назначил тебе впереди,
Память об этом мгновенье свящем
Вечно храни, как святыню, в груди.
Тучи сберутся громадой нестройной,
Небо покроется чёрною мглой —
С ясной решимостью, с верой спокойной
Бурю ты встреть и померься с грозой.
Лживые призраки, злые виденья
Сбить тебя будут пытаться с пути;
Против всех вражеских козней спасенье
В собственном сердце ты сможешь найти;

Если хранится в нём искра святая,
Ты всемогущ и всемогущ, но знай,
Горе тебе, коль, врагам уступая,
Дашь ты похитить её невзначай!
Лучше бы было тебе не родиться,
Лучше бы истины вовсе не знать,
Нежели, зная, от ней отступить,
Чем первенство́ за похлёбку продать.
Ведь грозные боги ревнивы и строги,
Их приговор ясен, решение одно:
С того человека и взыщется много,
Кому было много талантов дано.
Ты знаешь в писанье суровое слово:
Прощенье замолит за всё человек;
Но только за грех против духа святого
Прощения нет и не будет вовек.

«НЕ УСТАРЕЛА МЫСЛЬ ГОГОЛЯ»

К 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя

Ф.А. Мюллер. ПОРТРЕТ Н.В. ГОГОЛЯ

«Давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России», — писал Н.Г. Чернышевский. — «Он сказал нам, кто мы таковы, чего недостаёт нам, к чему должны стремиться, чего гнушаться и что любить. И вся его жизнь была страстною борьбою с невежеством и грубостью... вся была одушевлена одною горячею, неизменною целью — мыслью о служении благу родины».

«Дорого русскому сердцу имя Гоголя... никто лучше его не понимал всех оттенков русской жизни и русского характера, никто так поразительно верно не изображал русского общества» (Д.И. Писарев).

«...Ни в ком из наших писателей не выражалось так живо и ясно сознание своего патриотического значения, как в Гоголе. Он прямо себя считал человеком, призванным служить не искусству, а Отечеству, он думал о себе: "Я не поэт, я гражданин"» (Н.Г. Чернышевский).

Из всех русских писателей Н.В. Гоголь был особенно близок Н.К. Рериху. В словах художника о Гоголе чувствуется и глубокая признательность, и восхищение его громадным дарованием. Книги Гоголя, оказавшиеся в поле зрения юного Рериха, стали для него необходимыми жизненными ориентирами, духовными магнитами. «Но не случайны магниты, — пишет Николай Константинович. — Захоронены они так, чтобы на определённых путях можно бы к ним прикоснуться и укрепиться ими. ...Разве многообразное, но единосущное дарование великого Гоголя, разве оно, как в высокодуховных взлётах, так и в улыбке быта, разве оно тоже не дало посох прочный и лёгкий?»¹

Художник отмечал, что его особенно привлекал «не реализм Гоголя, а его высокая духовность и тонкая полусторонность». Рерих как бы заново открывает нам этого писателя, высвечивая духовные грани его творчества. Он называет Гоголя провидцем и сердцеведом, подкрепляя свои мысли словами из произведений писателя. Перечитаем эти выдержки и восхитимся прозорливостью великого писателя-мудреца.

«"...Вспомни: призваны в мир мы вовсе не для праздников и пирований — на битву мы сюда призваны; праздновать же победу будем ТАМ. А потому мы ни на миг не должны позабыть, что вышли на битву, и нечего тут выбирать, где поменьше опасностей: как добрый воин, должен бросаться из нас всяк туда, где пожарче битва. Всех нас озирает свыше небесный Полководец, и ни малейшее его дело не ускользает от Его взора. Не уклоняйся же от поля сражения, а выступивши на сражение, не ищи неприятеля бессильного, но сильного. За сражение с небольшим горем и мелкими бедами немного получишь славы. Вперёд же, прекрасный мой воин! С Богом, добрый товарищ! С Богом, прекрасный друг мой!" (1846 г.)

Ведь это сказало не действующее лицо пьесы Гоголя, а сам писатель, сам мыслитель. Сам, который имел право сказать: "Всё вижу". (...) "Всё вижу и всё слышу" и тогда иду вперёд. Бодрое напутствие. Ведь не слепому же идти. Не глухому же знать голоса. (...) Гоголь, который так замечательно описывал битву, который через все тяготы жизни шёл к великому и светлому, он-то знал, что знание опасностей есть предохранение от страха»².

¹ Рерих Н.К. Полвека // Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1. М., 1995. С. 149.

² Рерих Н.К. Напутствие // Там же. С. 256.

«...Теперь в Гималаях, когда радио даёт "Запорожца за Дунаем"³, яркой, красивой чередой проходят картины Украины, — писал Н.К. Рерих в 1947 году. — Встают образы Шевченко и Гоголя. И дружба, сердечное дружество сплетается с созвучиями Украины. Да, великое благо — братство народов. Там, где упало такое зерно плодоносное, уже будет жить мысль о мире, о сотрудничестве, о героизме и самоотверженности. Лишь бы посеялось зерно Братства. (...) От первых классов возлюбили Гоголя, и запомнились слова Тараса Бульбы о товариществе: "Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство. Вот на чём стоит наше товарищество. Нет уз святее товарищества. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в русской земле, не было таких товарищей. Нет, братцы, так любить может русская душа — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, что ни есть в тебе... Пусть же знают, что такое значит в русской земле товарищество!"

Вспомним лучшие слова о всех народах великой семьи всесоюзной. Пусть ничто злое не коснётся всенародного строительства. (...)

Украине — любовь и привет. От Гималаев сердечный привет Всесоюзным Народам»⁴.

«...Повелительно скажем: любите Родину! Скажем словами великого Гоголя. Они были произнесены ровно сто лет тому назад. Не устарела мысль Гоголя. Не устарел его полновзвучный язык. Народ чтит Гоголя, и нет такого угла в русских просторах, где бы молодое сердце не внимало заветам любимого мыс-

лителя. Слушаем: "Для русского теперь открывается путь, и этот путь — есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и всё, что ни есть в России..."

Но прямой любви ещё не слышно ни в ком, — её нет-таки и у вас. Вы ещё не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всём дурном, что в ней ни делается; в вас всё это производит только одну чёрствую досаду да уныние. Нет, это ещё не любовь, далеко вам до любви — это разве только одно слишком отдалённое ещё её предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадёт тогда сама собою та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже умных людей, то есть будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с нею можно всё сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдёте, последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмёте, предпочитая одну крупицу деятельности на нём всей вашей нынешней бездейственной и праздной жизни. Нет, вы ещё не любите Россию. А не полюбивши России, не полюбите вы своих братьев...

Русь, куда же несёшься ты? Дай ответ. Не даёт ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства".

И через сто лет дала Русь ответ: "Вперёд, вперёд, вперёд! Во благо человечеству!"⁵

Материал подготовила Н.М. Кочергина

Условия подписки на журнал «Восход» изменены

Со второго полугодия 2009 г. подписка в почтовых отделениях по объединённому каталогу «Газеты и журналы» прекращается. Получить журнал можно двумя способами: 1. По подписке в книжном отделе СибРО «Искры Света». 2. По заказу через интернет-магазин <http://rossasia.sibro.ru>

На первой странице: Н.К. Рерих. МЕЧ МУЖЕСТВА. 1912

Учредитель: © Сибирское Рериховское Общество. При перепечатке любых материалов обязательно предварительное согласование с редакцией.

Основатель журнала «Восход» Наталия Дмитриевна Спирина. Издание основано в 1993 г., зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ. Свидетельство ПИ № 77-9359. Тираж 800 экз. Цена свободная.

Редакционный совет: В.К. Афонская, Т.М. Бугаева, С.А. Деменко, Л.И. Ефимова, Л.А. Константинова, Н.М. Кочергина, О.А. Ольховая, А.А. Резванцева, И.И. Сереброва, Ю.В. Цыганкова. Корректор Н.Ф. Василькова. Цветокорректоры С.А. Горянский, С.А. Ковалёва. Компьютерная вёрстка Н.С. Писарева.

Адрес Издательского центра РОССАЗИЯ: 630099, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 38. СибРО, редакция.

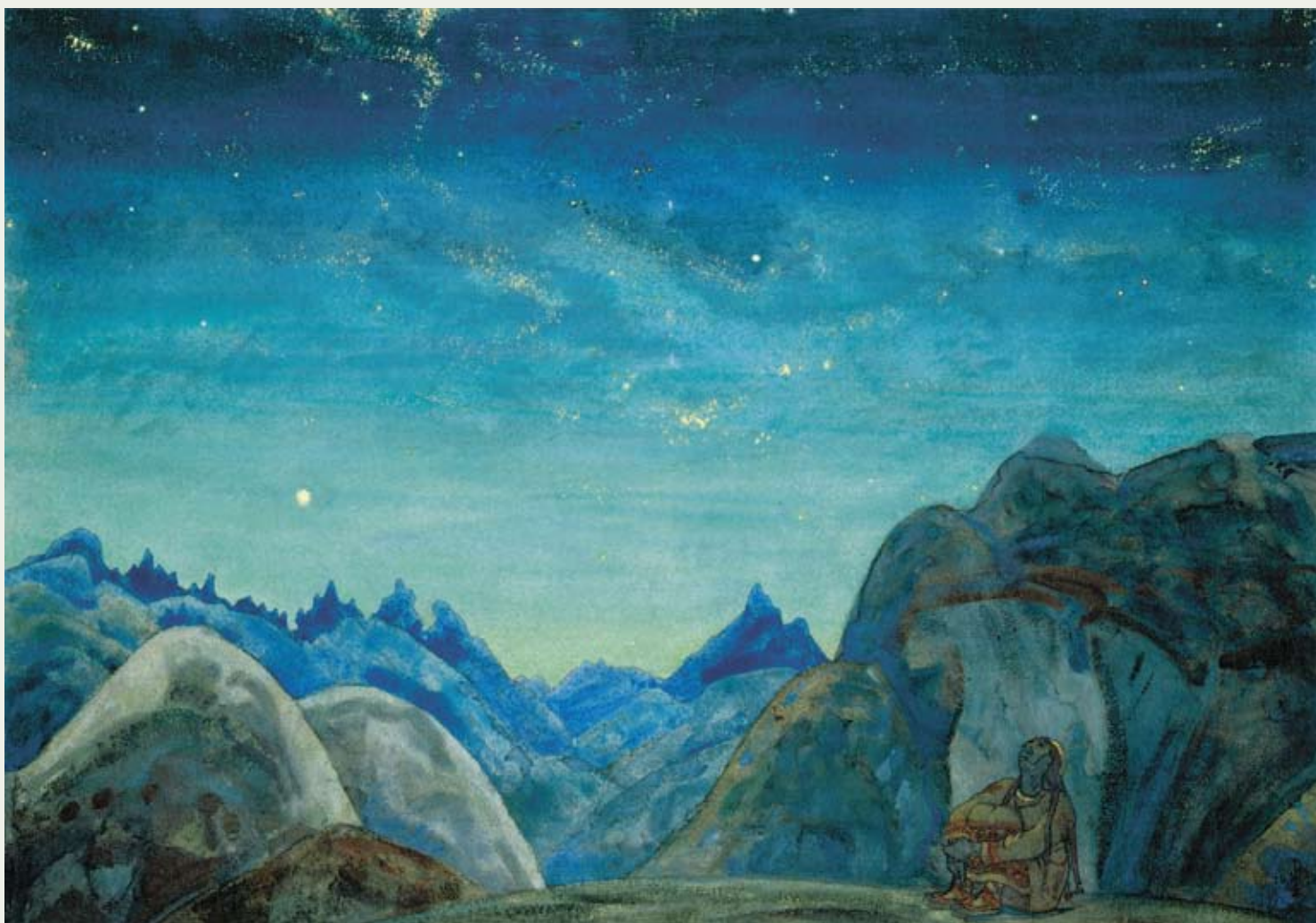
Телефон: (383) 223-27-55; e-mail: sibro@54.ru, sibro@mail.ru. Сайт журнала: <http://voshod.sibro.ru>

Подписка: в книжном отделе СибРО «Искры Света». По заявке высылается бесплатный каталог.

Адрес: 630007, г. Новосибирск-7, а/я 126, ООО «Искры Света». Отдел «Книга-почтой».

Тел./факс: (383) 218-09-50; e-mail: knigisibro@inbox.ru. Интернет-магазин: <http://rossasia.sibro.ru>

Отпечатано в типографии «ИН-КВАРТО», г. Новосибирск, ул. Русская, 39

Н.К. Рерих. ЗВЁЗДНЫЕ РУНЫ. 1912

А.Л. ЧИЖЕВСКИЙ

ГИППОКРАТУ

(Отрывок)

...Мы дети Космоса. И наш родимый дом
Так спаян общностью и неразрывно прочен,
Что чувствуем себя мы слитыми в одном,
Что в каждой точке мир — весь мир сосредоточен...

И жизнь — повсюду жизнь в материи самой,
В глубинах вещества — от края и до края
Торжественно течёт в борьбе с великой тьмой,
Страдает и горит, нигде не умолкая.